

XXXVII г.

№ 7

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 18-го февраля 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій К. М. Станюковича“ книга 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ 40 книгъ

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

и первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

К. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6.50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. Печковской,
Петровскія линіи . .

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“
Ришельевскій, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7.50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р.

За
границу. **12 р.**

Урокъ.

Повѣсть

Б. Лазаревского.

(Продолженіе).

XVIII.

Въ день Петра и Павла всѣ мужчины и женщины, встрѣчавшіеся во дворѣ, были одѣты чище обыкновеннаго и съ напояженными головами. Кучеръ Кузьма цѣлыхъ полчаса стоялъ возлѣ конюшни и, поднявъ голову, расчесывалъ мѣднымъ гребнемъ свою бороду, снизу вверхъ. Ольга Павловна съ утра ушла пѣшкомъ, съ дочерьми, въ свою Знаменскую церковь. Константинъ Ивановичъ остался дома.

Солнце жарило. Во флигелѣ приставали мухи. Ни на одну минуту не умолкая, хлопотала гдѣ-то за сараемъ курица. Кальнишевскій былъ не въ духѣ. И весь день тянулся тоскливо. Когда солнце уже собиралось садиться, на балконъ прибѣжала Леночка и затараторила:

— Мама, мамочка,

Первая косичка. Картина Владиміра Магидея, авт. «Нивы».

милая, золотая, слушай, что я тебѣ скажу: во дворъ пришли парни и дѣвки, они просятъ позволить имъ водить хороводъ. Мама, милая, можно? можно?

— Ну, хорошо. Константинъ Ивановичъ, вы видѣли когда-нибудь хороводъ?

— Нѣтъ. Это, должно - быть, интересно.

— Да, интересно, — отозвался Кальнишевскій: — эстетики только въ этомъ мало.

И всѣ пошли черезъ комнаты, на черное крыльцо, смотрѣть хороводъ.

— Въ сущности, это одинъ предлогъ получить угощенье, — говорила на ходу Ольга Павловна: — мнѣ не нравится эта форма попрошайничества, но дѣтямъ ихъ пѣсни и танцы доставляютъ большое удовольствіе.

Посреди двора толпилось душъ двадцать дѣвушекъ въ очень пестрыхъ платьяхъ. Преобладали малиновый и зеленый цвѣта. У всѣхъ фартуки были подвязаны выше груди, а ноги обуты

въ толстые бѣлые чулки и лапти. Только три или четыре щеголихи были въ козловыхъ ботинкахъ на высокихъ каблукахъ. У подростковъ платочки были не на головахъ, а накинуты на плечи.

Пять или шесть парней, какъ будто стѣняясь, стояли позади. Въ ихъ группѣ слышались звуки немного сипѣвшей гармоникѣ. Все грызли подсолнухи и разговаривали, но, увидя господъ, вдругъ смолкли. И гармоника тоже оборвалась на половинѣ хриплаго звука.

Стоявшіе впереди дѣвушки низко поклонились, а парни сняли и опять надѣли картузы.

— Ну, что же вы? Веселитесь, веселитесь, а мы поглядимъ,—сказала Ольга Павловна.

Гармоника записала. Дѣвушки раздвинулись, образовавъ неправильный полукругъ. Одна изъ нихъ, обутая въ ботинки, вышла впередъ и затопталась на одномъ мѣстѣ, потомъ махнула рукой и смѣясь спряталась за спиной подругъ. Гармоника опять умолкла.

— Онѣ стѣняются, — прокричала Леночка возлѣ самаго уха Константина Ивановича.

— Какія ты глупости говоришь, раньше вѣдь не стѣнялись, — произнесла недовольнымъ тономъ Ольга Павловна. — Нужно сказать Лушѣ, чтобы она начала, она отлично танцуетъ. Пусть пройдетъ съ Митькой. Луша, Луша, гдѣ ты, поди сюда!..

Изъ толпы вышла свѣтлая блондинка, со вздернутымъ носикомъ, сильно загорѣлымъ лицомъ и бѣгающими узенькими сѣрыми глазами. Она улыбнулась, и на щекахъ ея легли двѣ ямочки.

„Какое у нея симпатичное выражение лица, — думалъ Константинъ Ивановичъ, — по блеску ея глазъ можно сказать, что вся она огонь. Только зачѣмъ этотъ нелѣпый передникъ врѣзался своими поворозками въ верхнюю часть груди. Нѣтъ образованія, нѣтъ денегъ... мало того, нужно еще какой-то темной силѣ заставлять ихъ уродовать свое послѣднее богатство, — красоту...“

— Что же ты, Луша, не пляшешь? Пѣсню бы завела, а за тобой и другія подхватятъ.

— Да я, барыня, съ удовольствіемъ, кабы Федька игралъ, какъ слѣдуетъ быть.

— Ты, Федоръ, что-жъ не играешь? — спросила Ольга Павловна.

— Я, барыня, играть могу, да вотъ гармонь плохо дѣйствуетъ, наемни о землю ушиблась, — отвѣтилъ голосъ изъ толпы.

Нѣсколько дѣвушекъ звонко разсмѣялось.

— Небойсь, захочешь, такъ заиграешь, играй, играй!.. Ну, Луша...

Луша еще разъ улыбнулась и вопросительно посмотрѣла на дѣвушекъ. Гармоника запиликала сильнѣе.

— Ахъ, охъ, охъ... — вторилъ ей чей-то мужской голосъ.

Зеленые кофточки, малиновые и голубые передники зашевелились.

— Да выходи, Митька, чего соромишься...

И Митьку почти вытолкнули. Луша подбоченилась кистью лѣвой руки, — въ правой у нея былъ сильно измятый красный платочекъ. Глаза ея засмѣялись. Она сдѣлала нѣсколько мелкихъ шажковъ, будто хотѣла начать польку. У совсѣмъ еще молодого и безусаго Митьки лицо было серьезное. Поймавъ тактъ, онъ сильно ударилъ о землю каблукомъ, заложилъ руки назадъ и, ставя ногу за ногу, легко пошелъ къ Лушѣ. Подошвы его сапогъ мелькали все чаще и чаще. Луша подавалась всей фигурой назадъ, проскочила возлѣ самаго плеча Митьки и метнулась отъ него въ сторону.

Земля загудѣла въ тактъ гармоникѣ. Митька вытянулъ руки книзу и помахивалъ ладонями, точно хотѣлъ полетѣть. Лицо его все краснѣло и становилось серьезнѣе. Картузъ съѣхалъ на затылокъ, а потомъ совсѣмъ упалъ; жиденькіе, немного промасленные волосы подпрыгивали на головѣ. Былъ моментъ, когда онъ хотѣлъ перейти въ

присядку, но споткнулся, опустить голову ниже и съ тѣмъ же выраженіемъ добросовѣстно трудящагося человека продолжалъ танцовать.

Луша носилась все легче и легче. Иногда она вскидывала взглядомъ на Митьку, и тогда на ея личикѣ можно было прочесть досаду на бездарность партнера.

Лучи заходящаго солнца, прорываясь сквозь листья березъ, попадали на чей-нибудь красный фартукъ и раздѣляли его цвѣтъ на два тона — горячій-желтоватый и рядомъ, — неосвѣщенный-матовый. Гармоника прохрипѣла еще нѣсколько тактовъ и вдругъ умолкла.

Луша вытирала платочкомъ лобъ. Митька замѣшался въ толпу.

— Нѣтъ, это не танцы и не хороводъ, а Богъ знаетъ что, — протянула недовольнымъ голосомъ Ольга Павловна. — Безъ пѣсенъ... Нужно васъ всѣхъ немного расшевелить. Леночка, пойдемъ на минутку со мною.

Кто-то изъ парней, вѣроятно, уцѣпился за Лушу, потому что ея голосъ отчетливо произнесъ:

— Ну, и безстыжіе твои глаза, при господахъ-то!..

Дина смотрѣла равнодушно. Она много разъ видѣла все это и оставалась только изъ приличія, ожидая мать.

— Да, — сказалъ Кальнишевскій: — нѣтъ жизни въ ихъ танцахъ, одна Луша на что-нибудь похожа.

— А по-моему, отлично, — замѣтила Любовь Петровна. — Какъ умѣютъ, такъ и пляшутъ.

Послѣ ухода Ольги Павловны дѣвушки и парни все вмѣстѣ громко заговорили. Выраженія лицъ мужчинъ казались тупѣе, чѣмъ у женщинъ. Замѣтно было, какъ подростки старались держаться такъ же, какъ и большія дѣвушки, — въ позахъ, въ манерѣ грызть подсолнухи, или, фыркнувъ по поводу какой-нибудь остроты, — закрываться ладонью. Оживленіе росло. Голоса сразу перешли въ радостный шепотъ, какъ только на крыльцѣ снова показалась Ольга Павловна. Въ рукахъ у нея была большая бутылка казеннаго образца. Лена держала въ одной рукѣ бумажный мѣшокъ съ мятными пряниками, а въ другой двѣ чайныя чашки.

— Ну, подходите кто ближе, прежде всего ты, Луша, чтобы танцевала, а не топталась.

Луша подошла и потупилась. Дина взяла изъ рукъ у Лены одну чашку и подставила ее къ бутылкѣ. Ольга Павловна налила.

— Выпьешь цѣлую? — спросила Дина и улыбнулась.

— Пьяна буду.

Луша предварительно вытерла губы рукавомъ, сдѣлала глотокъ, покрутила головою и выпила остальное однимъ духомъ.

— А еще? — спросила Ольга Павловна.

— Пьяна буду, — повторила Луша.

Она поклонилась, взяла изъ рукъ Леночки цѣлую горсть маленькихъ бѣлыхъ пряниковъ и отошла назадъ. Дѣвушки и парни другъ за другомъ подходили. Приблизились и подростки. И они пили водку, какъ взрослые, безъ жеманства, точно выполняя обрядъ.

Особенно поразила Константина Ивановича дѣвочка лѣтъ тринадцати, Дунька. Выпивъ чашку, она поперхнулась и, видимо стыдясь этого, сдѣлала огромныя усилія, чтобы не раскашляться. Все ея личико покраснѣло; прикрывъ ротъ рукой Дунька поскорѣе замѣшалась въ толпу. За ней подошла востроносенькая Соломонидка, загорѣлая сильнѣе другихъ, съ громадными глазами и очень худенькая.

— Ей бы не слѣдовало, — произнесъ Кальнишевскій.

— Какіе пустяки, — сказала Ольга Павловна.

— Я разъ на мужицкой свадьбѣ выпила двѣ такихъ чашки и не охмѣла, — сказала Леночка.

Слова Ольги Павловны и Лены были простыя, но отъ нихъ Константину Ивановичу стало жутко. И потомъ настроеніе быстро стало ухудшаться, какъ погода осенью, когда черезъ полчаса послѣ солнышка уже сѣетъ не-

проглядный дождь. Гармоника заработала веселѣе, и вмѣсто неуклюжаго Митьки глухо выбивалъ объ землю своими новыми сапогами конюхъ Евстратъ. Запѣли и пѣсно. Но Константинъ Ивановичу не хотѣлось ни глядѣть ни слушать. Тянуло скорѣе уйти.

— Ну вотъ,—говорила Ольга Павловна:—теперь со-всѣмъ иное дѣло. Смотрите, и выраженія лицъ другія стали. Положимъ, въ усадьбѣ у насъ они всегда чувствуютъ себя хорошо... Вы знаете, въ прошломъ году намъ нужно было выхолотъ нѣсколько десятинъ картофеля и у Лабутиныхъ,—тутъ въ трехъ верстахъ,—тоже; ну и, вообразите, къ намъ пошли всѣ, а къ нимъ никто. А цѣна была одна,—по сорокъ копеекъ поденно; потомъ Лабутины даже набавили еще пять копеекъ. Важно, какъ съ людьми обращаться въ то время, когда не нуждаешься въ ихъ услугахъ.

Константинъ Ивановичъ хотѣлъ ей отвѣтить очень подробно, какъ онъ думаетъ объ этихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, но не отвѣтилъ ничего. Инстинктъ подсказалъ, что лучше молчать. Выждавъ еще минуты три, онъ незамѣтно ушелъ въ садъ. Остатокъ дня тянулся ужасно медленно. Казалось также, что за сегодня онъ передумалъ гораздо больше, чѣмъ за всю недѣлю своего пребыванія въ Знаменскомъ.

И главная мысль была о томъ, что между нимъ и Диней всегда была и всегда останется огромная яма, перебраться черезъ которую у него нехватитъ силъ.

Когда они съ Кальнишевскимъ остались вдвоемъ во флигелѣ,—какъ будто повеселѣло. Не хотѣлось только говорить.

Константинъ Ивановичъ раскрылъ какую-то книгу и сѣлъ возлѣ лампы читать, но не вытерпѣлъ и вдругъ, поднявъ голову, сказалъ:

— Вѣдь онѣ же люди гораздо болѣе образованные, чѣмъ эта красно-зеленая толпа. Одна—мать, а другія—будущія матери.—Поить водкой дѣтей, и такъ „милостиво“ все это у нихъ выходитъ. Если бы это продѣлалъ Степанъ Васильевичъ, еще туда-сюда, а то вѣдь онѣ же женщины, чуткія, нѣжныя созданія! Гдѣ же эта чуткость? Ей-Богу, я до сихъ поръ думалъ, что только сапожники способны въ праздникъ поить своихъ мальчишекъ подмастерьевъ водкой, чтобы тѣ потомъ „лучше старались“, а то... Помнится, гдѣ-то я читалъ, что дѣтямъ давали водку. Читалъ и не повѣрилъ. Подумалъ: такъ себѣ человекъ писалъ, чтобы пострашнѣе вышло, а теперь вотъ своими глазами видѣлъ. Такая, братъ, меня печаль обуяла послѣ всей этой картины...

— Совершенно напрасно,—отвѣтилъ Кальнишевскій.

— Можетъ-быть.

Константинъ Ивановичъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, а потомъ всей тяжестью тѣла рухнулъ на постель. Оба снова очень долго молчали. Нервное настроеніе Константина Ивановича мало-по-малу передавалось и Кальнишевскому и вмѣстѣ съ этимъ настроеніемъ росла потребность говорить. Ему даже захотѣлось ходить взадъ и впередъ, но онъ сдержалъ себя и только дошелъ до печки и облокотился о нее спиною. Помолчавъ еще съ минуту, Кальнишевскій похлопалъ ладонями по холоднымъ кафлямъ и вдругъ заговорилъ, громко и казалось спокойно, хотя голосъ его иногда дрожалъ.

XIX.

— Нашелъ, о чемъ печалиться! Вообще я тебя плохо понимаю. У тебя какая-то *нестественная* точка зрѣнія на человека. *Человѣкъ—это звучитъ жестоко и грустно*. Жестоко, когда онъ эксплуатируетъ, и грустно, когда его эксплуатируютъ. Иныхъ комбинацій мнѣ встрѣчать не приходилось. Лично я жалѣю тѣхъ и другихъ и никогда ни на кого не сержусь. По-моему, напримѣръ, и Степанъ Васильевичъ и Брусенцовъ не виноваты въ томъ, что не доразвились морально до сознанія жить не только для собственнаго удовольствія. Нѣтъ у нихъ въ мозгахъ соотвѣствующихъ клѣточекъ аль-

труизма, и конечно... Не виноваты и какой-нибудь добросовѣстнѣйшій чинуша, если смыслить въ художественномъ произведеніи не болѣе, чѣмъ дворникъ того дома, въ которомъ онъ живетъ. Не виновата и Дина, если не понимаетъ, что водка для дѣвочки-подростка—ядъ. Откровенно тебѣ признаюсь, дуракъ я былъ, когда меня волновала ея неспособность къ математикѣ. Нѣтъ ея воли въ этомъ, а слѣдовательно нѣтъ и вины. Кстати, мнѣ кажется, что ты не совсѣмъ правильно смотришь на женщинъ и слишкомъ многого отъ нихъ требуешь. Женщины такіе же люди. Есть и среди нихъ существа, приспособленные для работы высшаго порядка,—большинство же приспособлено только для продолженія рода человеческого. Если сердиться на Дину за то, что она не можетъ уразумѣть биквадратныхъ уравненій, то можно сердиться и на курицу за то, что ея нельзя выучить читать.

— Тебя тоже разволновала вся эта картина съ хоро-вodomъ, и ты теперь говоришь, можетъ-быть, и остро-умно, но зло,—сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Ей-Богу нѣтъ. Напротивъ, мнѣ кажется, что меня сегодня даже осянило какое-то откровеніе и я нашелъ правильную точку зрѣнія. Я не хочу сказать, что женщины бесполезныя существа,—нѣтъ. Если, напримѣръ, Дина выйдетъ замужъ за Брусенцова, то ему одному она и принесетъ пользу, хотя будетъ жить такою же растительною жизнью, какъ и сейчасъ. Но жалѣть ее не за что,—

Така-жъ и доли...

какъ поется въ одной малороссійской пѣснѣ. Я вотъ не испытываю ни малѣйшаго чувства жалости, когда ѣмъ супъ изъ курицы, такъ какъ знаю, что изъ нея плембира не сдѣлаешь. Жила—несла яйца, умерла—насъ съ тобою накормила, и за то спасибо. Дина и Лена добрыя существа, онѣ водку даютъ дѣвушкамъ и дѣтямъ не съ цѣлью, чтобы тѣ пришли потомъ полоть картофель, но не вмѣщаютъ ихъ головы, что доставлять удовольствіе не всегда значитъ—не приносить вреда. И на слово онѣ никому не повѣрятъ, пока не будутъ знать физиологіи, а ее знать онѣ не будутъ никогда. Сдѣлаю тебѣ еще признаніе: года четыре назадъ, я самъ увлекся барышней, похожей по натурѣ на Дину. Ну, прелесть что такое была эта дѣвушка, и вся ихъ семья симпатичная. Отецъ умница, профессоръ, мать литераторша, ну, а дѣвица, какъ дошла до пятого класса, выросъ у нея бюстъ, такъ и шабашъ учиться. Не то чтобы лѣнилась или неспособная была, а такъ: ѣсть, пить, да мечтаетъ, иногда безъ всякой причины плачетъ. Являлась у нея и любовь. Объектомъ этой любви оказался драгунскій корнетъ, рослый такой, съ большими усами и глаза томные. Я принялся спасать, кое-какъ уговорилъ, отвлекъ. Какъ вдругъ новое увлеченіе, да еще посильнѣе прежняго,—оперный теноръ. Мерзавецъ колоссальный, и не одну гимназистку скушалъ. Вотъ какъ-то моя барышня и говоритъ: „Знаю я про него, всѣ гадости знаю! Знаю также, что вы дѣйствительно меня любите. Но стать вашей женой я никогда не согласилась бы, а помани меня онъ только пальцемъ, и пойду“... Это, братъ, не цинизмъ, а искренность, за которую я, и по сей день, ее благодарю. Ну, теноръ слава Богу ее не скушалъ. Я опять давай на духовную ея сферу дѣйствовать, книги носилъ, о жизни несчастныхъ людей рассказывалъ. Только стала она какъ будто мозгами шевелить, какъ явилось третье увлеченіе, тоже довольно болванообразное. Тутъ она ужъ замужъ вышла. Теперь каждый годъ беременна и на лицѣ счастье написано, и въ цвѣтѣ кожи и въ улыбкѣ и въ глазахъ. И зла она никому ни вольнаго, ни невольнаго не дѣлаетъ, вотъ точно курица. Какъ-то встрѣчаю. Спрашиваю,—такъ между прочимъ,—читаете что-нибудь? „Нѣтъ, говорить, вечеромъ у меня глаза болятъ, а днемъ нѣтъ времени“... Такъ, по-твоему, стоитъ приходить въ отчаяніе и отъ

Послѣ причастіа. Картина П. Карпе-Беніза, авт. «Нивы».

Богоматеръ съ Младенцемъ. Картина Рудолфа Ф. фа, авт. «Нивы».

судьбы такой дѣвушки... Зналъ еще я нѣкую Катю, выросла она въ грязи, но въ городскомъ училищѣ была. Съ тринадцати лѣтъ на улицу пошла собою промышлять... Но въ свободное время отъ своей ужасной практики только и дѣлала, что читала: и романы, и журналы, и физику Малинина, и Ренана... Тоже, значить, нѣчто въ родѣ духовнаго голода испытывала, а ремесла своего не бросила, хоть и была къ тому возможность. Такая уже индивидуальность. Индивидуальность, братъ, великое дѣло и ни профессія, ни среда, ни образъ жизни—ничего тебѣ не объяснять. Попалъ въ руки къ моей сестрѣ,—большой любительницѣ собакъ,—щенокъ сестерѣ. Ужъ она его лелѣяла, возлѣ печки спать клала и горячей свининой кормила. Погибаетъ собака. Глаза закисло, хвостъ плетью... Уѣхалъ я недѣли на полторы въ степь (тамъ завѣдывалъ постройкой балагановъ для рабочихъ) и щенка съ собою взял. Питался онъ у меня овсянкой, да и то изрѣдка, а больше хлѣбомъ да водичкой. Черезъ недѣлю поху-дѣлъ, но за то какъ повеселѣлъ, стойку на птицу дѣлаетъ, слова понимаетъ, только чутье такъ и осталось испорченнымъ. Вся бѣда въ томъ, что сестра кормила его несоотвѣтствующей пищей. Какъ съ собакой ни возись, но жить ей легко будетъ только по тѣмъ законамъ, которые ей матушка-природа прописала.

— Такъ по-твоему значить, что Дина, что собака, одно и то же,—прогудѣлъ изъ-подъ подушки Константинъ Ивановичъ.

— Боже сохрани, Боже сохрани! По строенію скелета и нервной системы и головного мозга, — совсѣмъ не одно и то же. Но по обязательности подчиняться законамъ природы, — совершенно одно и то же. Что кому дано этой природой сдѣлать, тотъ только это и можетъ сдѣлать. Теноръ не запоетъ басомъ. Блондинъ не станетъ брюнетомъ. Тетя Лиза не уяснитъ себѣ теоріи кровообращенія. Человѣкъ безъ слуха не станетъ композиторомъ. И выучить ихъ этимъ вещамъ нельзя. Вотъ переплетать книги, бречать на роялѣ, писать фельетоны, — этому выучить можно. А что внѣ твоей индивидуальности, тому и тебя не выучишь... Хочешь вѣрн, хочешь нѣтъ. Если не способенъ человѣкъ чувствовать чужихъ страданій, такъ и не выучишь его этому! Его только можно поставить въ такія условія, чтобы онъ не въ состояніи былъ причинять этихъ страданій, но это уже совсѣмъ другое дѣло; а желать сдѣлать кому-нибудь пакость такой субъектъ все-таки будетъ, вотъ какъ, напримѣръ, сидящій въ клѣткѣ волкъ вѣчно мечтаетъ, чтобы съѣсть того самаго человѣка, который его кормитъ. Еще хочу тебѣ сказать одну истину. Я вотъ говорилъ, что Дина и собака не одно и то же. Но я не хотѣлъ и не хочу сказать, что вообще человѣкъ хуже или лучше собаки. Бываетъ и такъ и этакъ. Собака не напишетъ книги, не нарисуетъ картины, не построитъ паровоза, — этого она не можетъ. Но собака въ большинствѣ случаевъ не загрызетъ собственного дѣтеныша до смерти, не измѣнитъ тому человѣку, котораго полюбила, не тронетъ своей беременной самки, и навѣрное уже никогда не испытываетъ желанія засадить въ кутузку самаго своего злѣйшаго врага... Доносить и клеветать собаки тоже не умѣютъ, но я объ этомъ умолчалъ, потому что ты бы могъ мнѣ возразить, что у нихъ нѣтъ органа рѣчи, хотя я убѣжденъ, что если бы таковой и былъ, то онъ не стали бы заниматься этими чисто человѣческими дѣлами. Человѣкъ по своему развитію неизмѣримо выше всѣхъ животныхъ, но развитіе это о двухъ концахъ...

— Ты философъ, но философія твоя жестокая, — сказалъ Константинъ Ивановичъ.

Кальнишевскій приподнялся на носкахъ и снова хлопалъ ладонями о печку.

— Всякая истина жестока, потому что не терпитъ компромиссовъ. Ни послабленій, ни строгостей она не

знаетъ... Но я не философъ и не профессоръ, читающій лекцію. Мнѣ только хочется, чтобы ты уяснилъ себѣ правдивую точку зрѣнія на окружающее. Уяснишь, — страдать не будешь. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ мучиться о томъ, что кровать, на которой ты лежишь, не можетъ летать, — не приспособлена она для этого и приспособить ее невозможно, — такъ какъ тогда она уже не будетъ кроватью. Ты вотъ вчера еще пѣлъ какую-то печальную пѣсню о томъ, что Степанъ Васильевичъ и компанія могутъ цѣлую ночь сидѣть на верандѣ и рѣзаться въ винтъ, и до окружающей ихъ природы и неба, усыпаннаго звѣздами, и красотъ разсвѣта, — имъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Ты тоже сердился на нихъ, и кругомъ былъ неправъ. Степанъ Васильевичъ склоненъ играть въ винтъ и уменьшать доходность своего хозяйства, и только. Дина способна угощать крестьянскихъ дѣвицъ водкой, а впоследствии рожать здоровыхъ дѣтей, и только. Помощникъ исправника склоненъ ловить конокрадовъ и ревновать свою жену, и только. Ты можешь мечтать о вѣчномъ добрѣ, о красотѣ Дины, о звѣздахъ, и только... Да. Вообще пойми ты, чудакъ, что способности, которыя есть у однихъ, атрофированы у другихъ. Рода человѣческаго никакими мѣропріятіями не измѣнишь. Воспитывай душу, какъ хочешь, но всѣхъ низменныхъ физиологическихъ функций человѣка не атрофируешь, а если уничтожишь ихъ, то въ этомъ существѣ уже не будетъ жизни. Ну, если бы всѣ люди, скажемъ, были одного трехлѣтняго возраста, то надъ ними ты бы еще могъ попытать свои педагогическія способности. Но вѣдь всѣ разнаго возраста, отъ младенческаго, до столѣтняго. Неужели ты думаешь, что и того, который сто лѣтъ только и дѣлалъ, что преслѣдовалъ своего ближняго, можно заставить любить этого ближняго? Или того, кто всю жизнь пилъ водку и игралъ въ карты, можно научить искренно любоваться природой? Или барыню, которая пятнадцать лѣтъ прожила, будучи увѣренной, что всѣ эти Луши, Дуньки, Соломонины, Параши слѣплены изъ другого тѣста, можно убѣдить въ противномъ? Можетъ-быть, послѣ твоихъ увѣщаній Дина и не станетъ больше поить дѣвушекъ водкой. Но та же Дина, когда выйдетъ замужъ и обратится въ барыню, не постѣняется вытурить на улицу горничную, если та полюбитъ ея сына...

— Ну, этого ты утверждать не можешь, — сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, могу.

— Не можешь. У тебя нѣтъ дара знать будущее...

— Это не будущее, а тотъ иксъ, который и младенецъ найдетъ, разъ у него будутъ всѣ остальные данныя уравненія.

— Послѣ этого, значить, ты можешь сказать, что я умру такого-то числа, такого-то года, отъ такой-то болѣзни.

— Этого я не могу, — сказалъ Кальнишевскій и естественно спокойнымъ тономъ добавилъ: — знаешь что: не будемъ больше говорить объ этомъ...

— Ну, не будемъ, — отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ, всталъ съ постели и подошелъ къ окну.

Кальнишевскій тоже подошелъ. Оба долго молчали.

— Вечеръ-то какой чудесный, — сказалъ Кальнишевскій: — и гіацинтами пахнетъ.

— Я не люблю гіацинтовъ.

— Почему?

— Такъ. Напоминаютъ гробъ и цвѣты, которыми украшаютъ мертваго человѣка, когда онъ ихъ уже и видѣть не можетъ.

— Ты, братъ, мрачно настроенъ. Я думаю, что это твои нервы не пришли еще въ порядокъ послѣ болѣзни... А здѣсь, отъ созерцанія Дины и Брусенцова, они врядъ ли и наладаются.

— Опять...—серdito произнесъ Константинъ Ивановичъ.

— Ну, не буду, не буду. Но только еще одно слово. Послушай меня, от чистаго сердца посоветую тебѣ: уѣзжай ты отсюда, найди предлогъ и уѣзжай. Нельзя человѣку, заболѣвшему лихорадкой, лѣчиться возлѣ бѣлота.

— Вотъ это ты правду сказалъ. Я и самъ такъ полагаю,—задумчиво отвѣтилъ Константинъ Ивановичъ.

Со стороны села доносилась пѣсня и звуки гармоник. Слышно было, какъ по двору проѣхалъ тяжелый рессорный экипажъ.

XX.

Утромъ привезли почту. Было письмо и Константину Ивановичу. Товарищъ по курсу сообщалъ, что отложить экзамены на осень никому не разрѣшили. Ничего другого и ожидать было нельзя, и потому извѣстіе это не поразило. Совсѣмъ внезапно въ голову пришла другая мысль, солгать, что это письмо отъ отца, который будто бы заболѣлъ, и объявить Ольгѣ Павловнѣ, что необходимо завтра же уѣхать.

Константинъ Ивановичъ подѣлился этимъ проектомъ съ Кальнишевскимъ.

— Лжи, во всякомъ видѣ, я не одобряю,—отвѣтилъ онъ: — тѣмъ не менѣе сознаю, что тебѣ остается или учинить длинную исповѣдь о своемъ чувствѣ къ Динѣ, или уѣхать безъ объясненія причинъ. А потому можно сказать, что и отецъ боленъ...

Константину Ивановичу захотѣлось остаться совсѣмъ одному, и до обѣда онъ просидѣлъ въ пустой бесѣдкѣ. Сложилось глубокое убѣжденіе, что дальнѣйшее его пребываніе въ Знаменскомъ будетъ и мучительно, и унижительно.

„Кто я здѣсь? Не учитель и не гость. Для Дины я менѣе интересенъ, чѣмъ Федька. Близость съ Кальнишевскимъ и разговоры съ нимъ только разстраиваютъ нервы. Съ Ольгой Павловной у меня ничего общаго нѣтъ, а Степанъ Васильевичъ и Брусенцовъ врядъ ли даже знаютъ, какъ моя фамилія. Сидѣть же здѣсь, ради того, чтобы вкусно поѣсть и потомъ погулять въ чужомъ паркѣ, опять-таки унижительно,—думалъ онъ.—Лучше солгать и кончить съ этимъ наводженіемъ“.

Выйдя изъ бесѣдки, онъ встрѣтилъ Ольгу Павловну, которая несла въ корзинкѣ осыпавшіяся еще незрѣлыми яблоки. И вышло такъ, что, поздоровавшись, Константинъ Ивановичъ сейчасъ же сказалъ:

— А у меня дома несчастье. Я нехорошее письмо получилъ...

Ольга Павловна остановилась, подняла голову и зрачки ея расширились.

— Что такое?

— Отецъ боленъ.

— Чѣмъ?

И такъ какъ онъ не придумалъ заранѣе названія не существующей болѣзни, то замаялся и покраснѣлъ, а затѣмъ уже нетвердо отвѣтилъ:

— Суставчатымъ ревматизмомъ.

— Но вѣдь это не опасно?—сказала Ольга Павловна и еще выше подняла голову.

— Нѣтъ, если дѣятельность сердца плоха, то опасно. И я долженъ уѣхать...

— Какая жалость однако! Скоро мои именины, у насъ такъ весело бываетъ въ этотъ день.

— Что дѣлать, но я завтра же долженъ уѣхать...

Они снова пошли рядомъ.

„А что, если суставчатый ревматизмъ не имѣетъ никакого отношенія къ сердцу? И почему я выдумалъ именно ревматизмъ?—думалъ Константинъ Ивановичъ.—Будетъ очень нехорошо, если къ обѣду пріѣдетъ земскій докторъ и, со словъ Ольги Павловны, тоже начнетъ меня разспрашивать о болѣзни отца. Солгать разъ легко, но потомъ тянуть и развѣивать эту ложь—отвратительно“.

За обѣдомъ однако доктора не было. И, что очень удивило Константина Ивановича, объ его отъѣздѣ никто не вспомнилъ и не спросилъ, хотя Ольга Павловна, когда наливала супъ, сказала такъ, что все слышали:

— Мнѣ, право, не вѣрится, что вы собираетесь уѣзжать...

Послѣ обѣда, какъ и утромъ, опять хотѣлось остаться одному. Онъ обошелъ самыя глухія мѣста парка, чтобы никого не встрѣтить. Поле отдѣлялось отъ сада глубокимъ рвомъ. Константинъ Ивановичъ сѣлъ на краю его насыпи и задумался. Ложь все еще неприятно шевелилась на душѣ.

„Отчего я сказалъ, что уѣзжаю завтра? Вѣдь была полная возможность попросить, чтобы сегодня же меня отвезли на вокзалъ, къ ночному поѣзду. И Ольга Павловна навѣрное это сообразила и поняла, что я солгалъ. А впрочемъ, пусть думаетъ, что хочетъ...“

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ пустырь.

Въ трещины, въ щели забитаго зданья
Воздухъ свободной струей проскользнулъ,
И посреди гробоваго молчанья
Сумраку въ очи открыто взглянулъ,
И покатались суровыя тѣни,
Словно отъ страха желая бѣжать...
Глухо и сыро... Подгнили ступени...
Плѣсень повсюду—забвенія печать.
Вдругъ, изъ угловъ, разметаившись крылами,
Птицы ночныя шарахнулись прочь,

Выхода ищутъ слѣпыми глазами,
Ищутъ, гдѣ спряталась темная ночь.
Крикомъ зловѣщимъ пустырь оглашая,
Точно хотятъ онѣ свѣтъ побѣдить.
Рвется кругомъ паутина густая,—
Рвется и падаетъ хитрая нить.
Ярче, сильнѣе въ открытыя щели
Свѣтъ проникаетъ,—свободенъ, могучъ.
Прячутся тѣни въ углы, поблѣднѣли,
Но и туда добирается лучъ...

В. Умановъ-Каплуновскій.

Я помню лѣтній день... Въ тѣни густого сада,
Въ дали отъ горькихъ думъ и свѣтской суеты,
Усталый на скамью присѣлъ я близъ ограды
И погрузился весь въ счастливыя мечты.
Какъ чудно все кругомъ: и небо голубое,
Аллея липъ густыхъ, за нею ширь полей,

А тамъ, въ дали, рѣка серебристой полосой
Блеститъ, и темный лѣсъ склоняется надъ ней.
И думается мнѣ: Зачѣмъ теперь не лѣто?
Зачѣмъ природа спитъ глубокимъ зимнимъ сномъ,
Зачѣмъ я не въ лѣсу, въ дали отъ шума свѣта,
Зачѣмъ тѣнистый садъ не подъ моимъ окномъ?

Всеволодъ Шульцъ.

Страшный Судъ. Картина В. М. Васнецова, арт. «Нивы».

„Одержимая“.

Разсказъ М. М. Читау.

(Окончаніе).

Марья Матвѣевна стала, видимо, что-то припоминать; вены на вискахъ ея вздулись и рельефно выступили, какъ жилки на листѣ.

— Даже про кота, матери Сергія сказку сложила; такой мордастый былъ котъ у ея, на семинариста одного похожъ... Воличкой звали... такъ вотъ я и выдумала, что котъ этотъ оборотень и по ночамъ... — Марья Матвѣевна вдругъ умолкла, подозрительно посмотрѣла на меня и поспѣшно прибавила: — не помню, что дальнѣе-то, памяти вовсе у меня не стало послѣ болѣзни...

Лазарева, видимо, прекрасно помнила, что именно за сказку она сложила про кота Воличку, но не хотѣла сказать. Она исподлобья посмотрѣла на меня, вдругъ ярко покраснѣла малиновымъ румянцемъ и сразу сдѣлалась похожа на выпарившуюся въ банѣ мѣшанку.

— Вы говорите «мать Сергія» — вѣдь это мужское имя...

— Въ міру мужское, а у насъ — прежде дозволялось въ честь святыхъ мужей нарекатъ...

— Ну, а въ городъ къ знакомымъ не возила васъ мать-казначей?

— И вовсе тетенька перестали пущать меня въ городъ послѣ того, какъ напугались валасапета и чуть Богу душу не отдали.

— Изъ-за велосипеда?

— Да-съ.

И Марья Матвѣевна связно, какъ заученный и часто повторяемый урокъ, съ поддѣльной искренностью и состраданіемъ стала разспазывать:

— Тетенька по немощамъ своимъ кромѣ храма почти-что нигда не выходили, лѣтъ двадцать за оградой не бывали и ничего такого не знали и не видѣли. А тутъ по осени достроили у насъ новую колокольню, и пожелали тетенька полюбоваться ею издали. Цѣлый день онѣ въ тревогѣ были, потому какъ двадцать лѣтъ за оградой не переступали, такъ оно жутко имъ было, но и манило ихъ нашу колокольню во всей красѣ узрѣть. Послѣ вечерень повели мы ихъ, я да старшая живописица наша Макарія. Только вышли мы изъ монастырскихъ вратъ, какъ откуда ни возмись невѣдомый всадникъ, колесо осѣдлалъ, въ дугу согнулся, самъ полосатой шкурой обтянутъ, на головѣ не то плюшка, не то губка, локти углами, а ноги какъ шестерня отработываютъ... Пшшт! и нѣтъ его! Только песокъ шурхнулъ, да камешки брызнули. Тетенька свѣта не взвидѣли, вздѣли ручки къ небесамъ, кричатъ: «бѣсъ, бѣсъ, нечистый!» — и грохнулись на земь; мы и поддержать не успѣли. Я послѣ объясняла имъ, говорила: «валасапетъ это, тетенька, ну, все одно какъ бѣговья дрожки безъ лошади», но онѣ слушать меня не хотѣли и слово это запретили мнѣ говорить и не стали пущать меня за ограду... Хворый онѣ стали послѣ того и совсѣмъ ихъ покинуть ни на минуту не позволяли: все умереть боялись безъ меня, да и зрѣніе у нихъ помутилось; такъ и сидѣли мы въ темнотѣ, какъ совы; и до того досидѣлась я съ ней, что страхъ на меня напалъ, ужъ и сама боюсь за ограду выйти... А тамъ казаться стало, что за оградой нѣтъ ничего, такъ — яма глубокая безъ начала и безъ конца, и облака въ ней ходятъ, какъ до сотворенія міра, и людей тамъ будто нѣтъ, и я навѣкъ здѣсь въ стѣнахъ погребена... Ахъ, Господи, Спасе мой, какъ страшно это было!

Лазарева безмысленно глядѣла въ одну точку, дергая концы своего платка.

— Вы тогда вѣрно и заболѣли? — участливо спросила я, дотрогнувшись до ея руки.

Марья Матвѣевна вздрогнула, какъ бы очнувшись и продолжала:

— Нѣтъ-съ... тогда ничего... прошло, потому что тетенькѣ стало легче, весна наступила, мы съ тетенькой и въ храмъ стали выходить и въ присадникъ. Черемуха зацвѣла... ландышъ закивалъ колпачками... благораствореніе... Мысли у меня стали другія: опять міръ прельщать началъ, и все меня за ограду тинило; вечеринки мерещиться стали, да театры, да гулянки.

И, какъ бы желая успокоить меня, Марья Матвѣевна добавила:

— Ну, что же, я, можетъ-быть, погуляю, а тамъ своей охотой совсѣмъ уйду въ монастырь. У насъ говорили, что одна актриса сподобилась... всякими путями ко спасенію приходятъ...

Марья Матвѣевна помолчала, а затѣмъ конфиденціально спросила:

— А правда, что игра такая есть: монастырь, монахини и все?

— Да, есть такая пѣса, называется: «За монастырской стѣной».

— А не грѣхъ? — со страхомъ прошептала Марья Матвѣевна.

— Тамъ выведенъ католическій монастырь, — успокоила я ее.

— Такъ...

Марья Матвѣевна помолчала.

— А долго ученье отбываютъ для театра? — озабоченно вымолвила она.

— Года три.

— Ахъ, какъ долго!.. Ахъ, Боже мой, какъ долго!.. А скорѣй нельзя? Боюсь я долго-то... Вотъ какъ боюсь я этого! Вдругъ я три года проучусь — скажутъ: мало, еще надо... боюсь! Около тетенки напугалась, она все увѣряла: «недолго мнѣ жить, скоро помру». Глядь — мнѣ ужъ двадцать лѣтъ исполнилось, а она и не думаетъ умирать... Потомъ, точно времени немного прошло, а ужъ мнѣ двадцать пять стукнуло. Жизнь-то, какъ вода въ песокъ, ушла, и вспомнить ее нечѣмъ, а тамъ, точно въ единый мигъ, разомъ на двадцать девять мнѣ перемахнуло, перестарокъ ужъ: тридцатый годъ, и страхъ опять на меня напалъ!.. А въ ночь на Ивана Купала, какъ мнѣ тридцать первый годъ пошелъ, я совсѣмъ какъ одержимая стала. Захотѣла я судьбу свою безпрѣмѣнно узнать: потихоньку отъ тетенки ночью босикомъ до окна добралась, черезъ окно на волю выбралась и стала двѣнадцать травъ набирать...

жутко ночью-то, а я беру травы; страшно, а беру... до пруда дошла, сыро тамъ, осока блеститъ словно стадо змѣй... а я слова такія страшныя шепчу... старуха одна научила, и не вѣсть что мнѣ чудится, но вскрикнуть боюсь... Вотъ тутъ и случилась со мной: слышу: въ осоку шуршитъ кто-то, потомъ будто мордочка высунулась, словно бы котикъ матери Сергія Воличка скокъ изъ кустовъ ко мнѣ подъ ноги! Всмотрѣлась я: не котъ, а лягушка болынушая, и прыгни та лягушка прямо на меня и пропала... Похолодѣла я вся, платьѣ встряхивать стала, ищу-поищу, куда она двалась — пропала, да и полно! Такъ-таки и пропала не вѣсть куда. Я бѣжать ударилась отъ пруда! Вдругъ меня кто-то по головѣ словно холоднымъ крыломъ задѣлъ, дождемъ обдалъ, платокъ сорвалъ, — не до платка! далѣ бѣгу... Очнувшись въ присадникѣ... въ рукѣ моей травы, сжала крѣпко, не растеряла! Влѣзла я обратно черезъ окно въ горницу, травы подъ тюфякъ засунула и, грѣшница, не молясь, улеглась. Спать не сплю, а все думаю и все страшное такое: сперва о лягушкѣ; чудится, что она горло мнѣ давитъ... тяжело такъ, ужъ не смерть ли? Жизнь прошла — смерть пришла... И какъ я эти слова подумала: «жизнь прошла», такъ отчаянность на меня напала: вернуть ее хочу, жизнь-то, вернуть! Жжетъ меня, каждый суставъ содрогается отъ страха, мечусь по постели, на все бы, кажется, пошла, только бы вернуть ее, и какъ уразумѣла, что не вернуть, никакъ не вернуть, чтобы сызнова пережить да по-другому — такъ смертельный страхъ меня обуялъ! Мучилась я такъ, мучилась, совсѣмъ измучилась и тяжелымъ сномъ забылась.

Долго ли спала я, не знаю. Сквозъ сонъ слышу: крадется кто-то къ моей постели. «Кто тамъ?» шепчу... не отвѣчаю. Гляжу — на окошкѣ котъ Воличка сидитъ; я: «кисъ-кисъ» — и къ нему! Ну, думаю, кѣмъ-то ты теперь обернешься?.. а онъ въ присадникѣ скакнулъ, по лужайкѣ запрыгалъ, подѣ яблонькой сѣлъ... Я гляжу — не сплуну. Вотъ онъ умывается: сталъ: лапochу полжеть, далеко за ушко задеретъ, умывается... Потомъ такъ искоса глянуть на меня, изъ-подъ усовъ коварно улыбается, лапку горсточкой согнулъ и давай манить меня, такъ и манитъ! Навождение! Потомъ глянулъ на меня еще разокъ, подмигнулъ и прочь побѣжалъ, а самъ оглядывается. И не вѣсть кто шепчетъ мнѣ: «это жизнь твоя уходитъ!» Я вскочила и бѣжать! И бѣгу, бѣгу жизнь свою поймать, а она отъ меня... Не знаю, какъ у ограды очутилась!.. Котикъ черезъ нее перемахнулъ на волю, а я не могу! Скачу, а перескочить не могу! Лѣзу, ногтями цапаюсь, ногти гнутся, кровь идетъ... Стала я биться, биться, «пустите», кричу, «пустите», а она, жизнь-то, слышу, по ту сторону ограды убѣгаетъ. Ахъ! И пала я на землю, и стало меня всю колотить, и визжу, и кричу: удержаться хочу — пуше кричать начинаю: «ловите!»

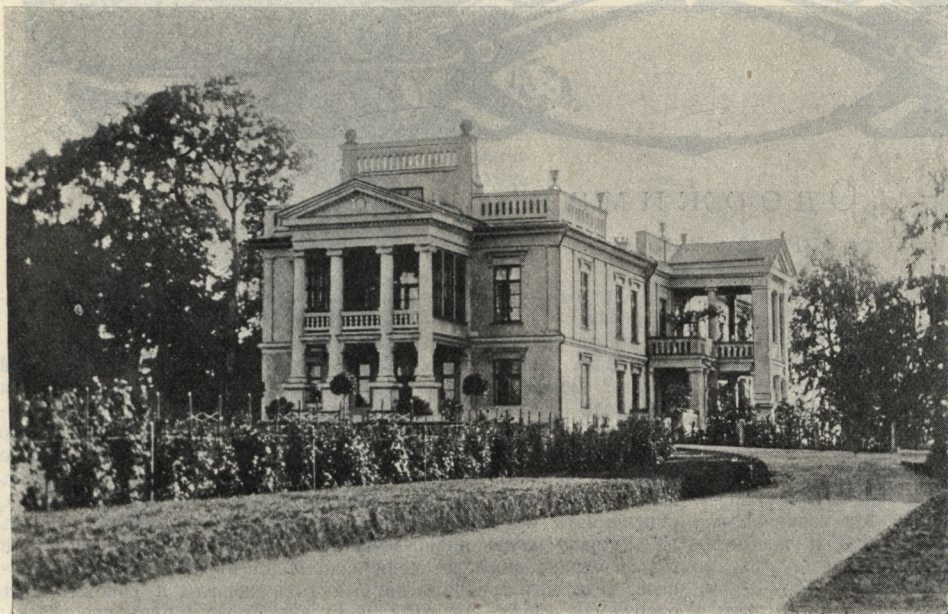
Марья Матвѣевна вскочила, всплеснула руками, потомъ схватилась за голову, сорвала свой бѣлый платокъ, закрыла имъ искаженное лицо и зарыдала, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, неудержимо громко.

Я бросилась къ ней и крѣпко обняла ее. Въ глубокой жалости растало мое отвращеніе.

— Милая, больны вы, совсѣмъ больны, — твердила я, лаская Лазареву.

— Больна, — жалостно отзывалась она. — Послѣ этого случая все больна. «Одержимая», говорятъ... Отчитывали меня, — чуть слышно прошептала мнѣ на ухо Марья Матвѣевна и еще тише продолжала: — спрашивали: какой бѣсъ во мнѣ? Я и высказала: «водяной».

Марья Матвѣевна понемногу успокоилась, заправила за уши свои желтыя косы и почти равнодушно сообщила мнѣ:

Къ революции въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Лиліенфельдъ-Тоаль (въ 35 верстахъ отъ Ревеля), сожженный вмѣстѣ со всѣми картинами и драгоценностями, въ декабрѣ 1905 г.

По фот. спец. корреспондента К. Булла.

— Говорилъ мнѣ тутъ одинъ, что это у меня истерикъ.

— Ну, мы этотъ истерикъ вылѣчимъ. Я дамъ вамъ письмо къ моему знакомому, хорошему доктору психіатру, — и я успѣла писать записочку другу моему, доктору Воздвиженскому. — Вы его не бойтесь, все ему расскажите, онъ очень, очень хорошій человѣкъ, — внушала я Марья Матвѣевна, вручая ей записку.

— Они... молодые? — не безъ жеманства спросила Лазарева.

— Молодой, но серьезный человѣкъ; вы съ нимъ какъ съ отцомъ говорите, — успокаивала я ее.

Марья Матвѣевна лукаво прищурилась.

— Какъ съ отцомъ!..

Она неожиданно хихикнула, потомъ сейчасъ же сдѣлала серьезную мину.

— Мало я ихъ видѣла, мужчинъ-то, — строго и стыдливо заявила она.

— Приучайтесь смотрѣть на мужчинъ, какъ на товарищей. Вы хотите поступить въ театръ, а тамъ вѣдь на мужчинъ-актеровъ актрисы смотрятъ какъ на товарищей.

— Да... мнѣ говорили: въ театрѣ вольно, — не слушая меня, точно про себя промолвила Марья Матвѣевна, загадочно улыбаясь, причемъ лицо ея приняло грубо-чувственное выраженіе.

— Какъ вы въ Петербургъ попали? — задала я давно интересовавшій меня вопросъ.

Глаза Лазаревой померкли; глядя на меня оловяннымъ непроницаемымъ взглядомъ, она холодно-небрежно пояснила:

— За жизнью своей погналась. Вскорѣ послѣ перваго припадка моего тетенька скончалась... Не знаю; что съ ними попричилось?... рвоты у нихъ вдругъ поднялись... корчило ихъ... и скончались. Похоронивши ихъ, и минуты въ монастырь не осталась. Удерживали меня матери, да не удержали! Рукой махнули: «одержимая». Ну, да ладно! можетъ, по-ихнему — одержимая, а я такъ думаю, что вѣдь не монахиня я...

Марья Матвѣевна не договорила и задумалась.

— Вы давно въ Петербургъ? — опять задала я вопросъ, который уже дѣлала Марья Матвѣевна при началѣ нашей бесѣды.

Лазарева опять сдѣлала видъ, что не слышала его, встала и, смиренно извиняясь передо мной за беспокойство, робко спросила:

— Такъ какъ же мнѣ передать Лидіи Ивановнѣ насчетъ театра?

Я уклончиво отвѣтила: «посмотримъ, поглядимъ сперва». Лазарева неожиданно повалилась

мнѣ въ ноги и быстро-быстро заговорила:

— Будьте столь великодушны, опредѣлите меня, буду за васъ Бога молить...

— Да встаньте, встаньте, — растерянно повторила я, стараясь поднять ее, но Марья Матвѣевна упорно валилась мнѣ въ ноги и снова, съ большей настойчивостью повторила: — «будьте столь великодушны, опредѣлите, буду вѣчно Бога молить». — до тѣхъ поръ, пока я, обезсилѣвъ, не пообѣщала ей сдѣлать для нея все возможное.

Марья Матвѣевна просила, поднялась, потомъ, точно забывъ обо мнѣ, подбѣжала къ зеркалу, искоса поглядывая въ него, поправила свой непокорный бѣлый платокъ и космы, и затѣмъ, отойдя къ окну, развязно проговорила:

— Фонари ужъ зажгли. Ужасно подобно, какъ здѣсь по вечерамъ кавалеры къ барышнямъ пристають.

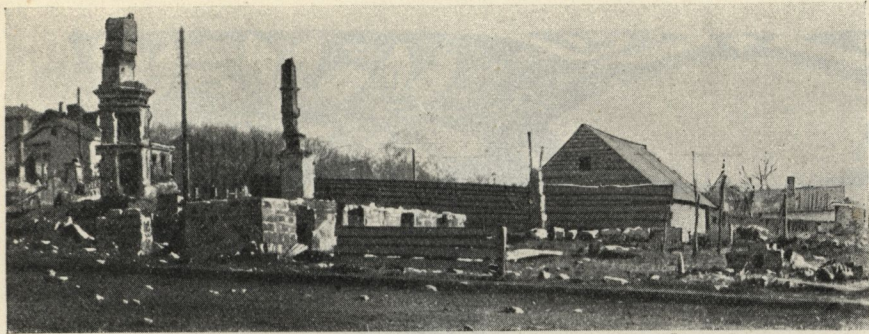
Она самодовольно улыбнулась.

Отвращеніе къ ней снова шевельнулось въ моей душѣ. Стараясь не дотрагиваться до руки Лазаревой, я дала ей нѣсколько серебряныхъ рублей, посоветовавъ ей побѣжать домой на извозчикѣ во избѣжаніе назойливости кавалеровъ.

— Спаси, Господи, — смиренно проговорила Марья Матвѣевна, принимая деньги.

Безпорядки въ Одессѣ. Взрывъ въ домѣ Михалева по Вѣтшней улицѣ, происшедшій въ ночь на 25 января с. г. отъ разорвавшихся бомбъ. Флигель разрушенъ взрывомъ. Въ первыхъ двухъ этажахъ совершенно разрушены потолокъ и полъ, а третій, уцѣлѣвшій, этажъ держится на подпоркѣ. По фот. Пудичева въ Одессѣ.

Беспорядки во Владивостоке. Уголь Портовой и Афонской улиц.

Она степенно-низко поклонилась мне и пошла было к двери, но быстро возвратилась и решительно заявила:

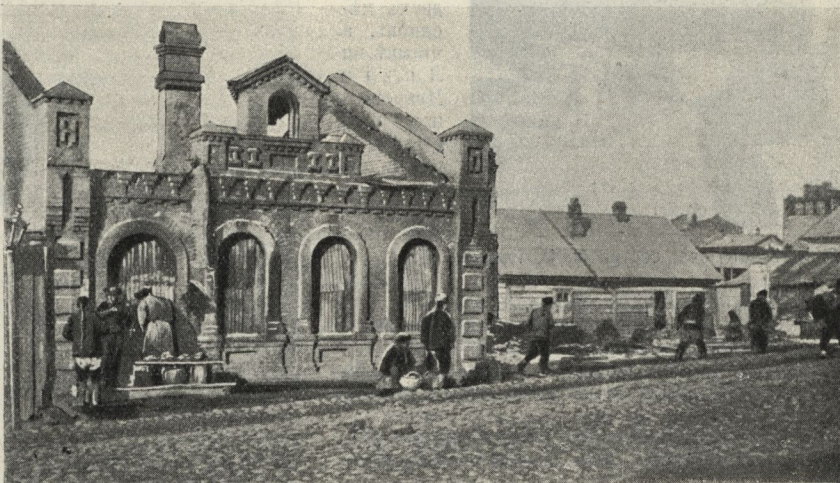
— А работы я никакой не знаю, и вы будьте столь великодушны, напишите Лидии Ивановне, что вы меня в театр определяете.

Снова отнесясь попойкой поклон, Марья Матвеевна удалилась.

Я немедленно успела писать письмо доктору психиатру, чтобы предупредить его о визите Марьи Матвеевны. Занятие мое было вскоре прервано появлением горничной, которая молча положила передо мной несколько серебряных рублей.

— Что это?—удивилась я.

— Да вот эта, что приходила от Лидии Ивановны, разорвала. Начала пальто надвывать, руку разжала, деньги покатились; она хохочет, вертится передь зеркалом, платок свой поправлять, охорашивается.

Беспорядки во Владивостоке. Алеутская улица.

— Она мне об этом ни слова не сказала,— всхлинула Лидия Ивановна.

— «Лазарева еще не совсем оправилась послѣ родов»,— продолжала я читать:— ей необходимо обратиться к специалисту по женским болезням. Когда она немного оправится, я советовала бы вам отправить ее в деревню...»

— Ну, и такъ даѣе,— прервала меня Лидия Ивановна.— Письмо это Воздвиженскій написалъ вамъ и отдалъ Марѣ Матвѣевнѣ. Я нашла его у себя на столѣ распечатаннымъ, а внизу, видите, приписка ея рукой: «Въ деревню не поѣду, а объ романѣ вашъ докторишка совралъ». Она, бѣдная, отправки въ деревню испугалась вѣрно, и романа, должно-быть, стыдилась, что ли, скрывала. Родная! Отыскать ее надо, помочь! Вы подумайте: послѣ родовъ, безъ копейки денегъ, въ чужомъ городѣ! Въѣдъ я ее двѣ недѣли тому назадъ на улицѣ подобрала, чуть не въ обморокъ отъ голода... а теперь она опять на улицѣ, опять голодаетъ! Помогите мнѣ найти ее!

Беспорядки во Владивостоке. На углу Свѣтлянской и Алеутской улицъ послѣ пожара.

— Да отчего же вы не отдали ей денегъ?

— Я подбирать ихъ стала; пока подбирала, а ужъ ея и слѣдъ простылъ. Я на улицу даже выбѣжала, да она какъ сквозь землю провалилась.

Черезъ два дня послѣ визита Марьи Матвѣевны, раннимъ утромъ, взволнованная и заплаканная Лидия Ивановна, забывъ свою обычную деликатность, ворвалась ко мнѣ въ спальню съ крикомъ:

— Марья Матвѣевна пропала у меня!

Больше я ничего не разслышала, такъ какъ находилась въ томъ періодѣ полусна, когда человѣкъ относится безразлично къ страданіямъ ближняго. Но вотъ спростонокъ я снова слышу всхлипываніе, понемногу возвращаюсь къ дѣйствительности, и по мѣрѣ того, какъ сонъ отлетаетъ, сердце мое раскрывается, чтобы принять изліянія огорченнаго друга. Лидия Ивановна совала мнѣ въ руку какое-то письмо, настойчиво требуя, чтобы я прочтала его.

— Отъ нея письмо?—догадалась я.

— Да нѣтъ, отъ доктора, отъ доктора,—внушала мнѣ Лидия Ивановна.—Вы велѣли послать ее къ доктору, дали ей письмо, къ Воздвиженскому, по-

Беспорядки во Владивостоке. На Алеутской улицѣ, домъ китайской пивной.

Л. И. Шестакова, сестра М. И. Глинки.

Я храбро обещала огорченной Лидии Ивановне, что бы то ни стало разыскать несчастную Марию Матвеевну, однако прошло больше двух месяцев, а ни миф, ни Лидия Ивановна не пожелали напасть на след нашей бег-

Наконец, Лидия Ивановна удалось как-то узнать, что в Москве, в одной из больниц, мещанка Мария Матвеевна Лазарева, обладательница суровых глаз, русых волос и круглого лица, но не имевшая особых примет, умерла от острого воспаления мозга.

Была ли это протеза Лидии Ивановны или другая Мария Лазарева—так и осталось неизвестным.

„Послѣ причастія“. (Рис. на стр. 100).

Картина художника Карриэ-Беллэз, «Послѣ причастія», передает оригинальное и яркое настроение. Гдѣ-то высоко, на церковных хорах бѣлѣет туманъ пышныхъ платьевъ и вуалей, и изъ этого тумана выдѣляются прелестныя молодыя лица дѣвушекъ, только-что побывавшихъ у конфирмаціи. То религіознымъ экстазомъ, то простымъ любопытствомъ (что происходитъ тамъ внизу—нѣтъ ли тамъ знакомыхъ?) исполнены ихъ живыя черты, и у зрителя невольно остается впечатлѣніе молодости, чистоты и очаровательной изысканности...

„Страшный Судъ“. (Рис. на стр. 104).

Новая картина В. М. Васнецова «Страшный Судъ» не такъ давно была выставлена въ Академіи Художествъ и заставила громко говорить о себѣ всѣхъ, кто интересуется искусствомъ. Много голосовъ было за нее, но были голоса и противъ. На первый взглядъ эта замѣчательная картина дѣйствительно производитъ двойственное впечатлѣніе: съ одной стороны, зрителю невольно бросается въ глаза условность изображенія, напоминающая старинныя иконы и лубочныя картины; съ другой же стороны, нельзя не обратить вниманія на дивныя, чисто «васнецовскія» лица, на ихъ удивительную одухотворенность и на чрезвычайную жизненность мелкихъ фигуръ, составляющихъ фонъ картины.

Васнецовъ задался цѣлью «стилизовать» тѣ народныя, идущія изъ глубины вѣковъ, изображенія «Страшнаго Суда», которыя всѣмъ намъ хорошо знакомы по лубочнымъ картинамъ. Онъ попытался сохранить весь колоритъ, весь стиль этихъ изображеній, подчинивъ ихъ лишь требованіямъ современнаго культурнаго художественнаго творчества. Въ результатѣ получилась картина, полная глубокаго внутренняго содержанія и сохранившая въ то же время весь наивный, яркій мистицизмъ, свойственный религіознымъ воззрѣніямъ народа.

Центръ картины составляетъ, какъ и въ лубочныхъ картинкахъ, судъ надъ человѣческой душою, только-что возставшаго изъ гроба, просвѣтленнаго, свободнаго отъ всего земнаго и со страхомъ ожидающаго послѣдняго суда... Здѣсь же фигурируетъ и традиціонный змій, пожирающій грѣшниковъ. И все это изображено съ удивительною экспрессивною, напоминающею лучшія картины Микель-Анджело.

Памятникъ М. И. Глинкѣ, открытый въ Петербургѣ на Театральной площади 3 февраля с. г. По фот. К. Булла.

Рыцарь Духа.

Къ 50-лѣтію кончины Генриха Гейне.

4 февраля 1856 г.

О, бессмертный рыцарь Духа!

Всталъ ты снова, какъ живой.

Ты—боецъ освобожденья,

Вдохновляющій на бой.

На мечѣ твоємъ—заклятье,—

Золотой чеканный стихъ.

Для иныхъ онъ смерть приноситъ

И свободу для другихъ.

Смерть — бездушному тирану,

Безсердечнымъ палачамъ;

Смерть и тѣмъ рабамъ ничтожнымъ,

Что привыкли къ кандаламъ,

У которыхъ нѣтъ отваги,—

Гордой дочери Огня,—

Выйти смѣло изъ подваловъ,

Изъ темницъ навстрѣчу дня,

Нѣтъ могучаго порыва —

Разорвать позорный плѣтъ,

У которыхъ, вмѣсто сердца,

Распадающійся тлѣтъ...

А свободу онъ даруетъ

Тѣмъ, кто шелъ изъ дальнихъ мѣстъ,

Какъ Учитель на Голгоу,

И влачилъ тяжелый крестъ.

Кто любилъ всю жизнь и вѣрилъ,

Для кого былъ каждый — братъ,

Кто не спалъ, когда тревожно

За окномъ стоналъ набатъ.

Кто будилъ, какъ барабанщикъ,

Днемъ и ночью безъ конна,

Увлекая за собою

Задремавшія сердца.

Рыцарь Духа, рыцарь свѣта,

Какъ блеститъ твой дивный мечъ,

Хоть и выдержалъ немало

Схватокъ огненныхъ и сѣчь!

Годы мчатся чередою,

Но стоишь ты, какъ живой,

И «смѣющія слезы»

Наполняютъ міръ тоской;

То, звеня волной хрустальной,

Вспыхнетъ твой веселый смѣхъ,

И на лицахъ засияетъ

Радость свѣтлая у всѣхъ;

То пылающей сатирой —

Стихъ упругій, точно бичъ,

Станетъ жечь людскую кривду,

Чтобы смолкъ кровавый кличъ,

Чтобы черные извѣты

Фарисеевъ и ханжей

Не клеймили клеветой

Незапятнанныхъ людей.

Слышенъ гулъ призывный моря —

Словно чувствуетъ оно,

Что душа поэта съ моремъ

Крѣпко связана давно...

И разносятъ по вселенной

Волны громкую хвалу.

Въ честь любимаго поэта —

Къ людямъ, къ небу и къ орлу...

В. Умановъ-Каплуновскій.

Л. И. Шестакова. (Портр. на стр. 108).

19 января скончалась в глубокой старости родная сестра М. И. Глинки, Людмила Ивановна Шестакова, пережившая знаменитого своего брата на 48 летъ. Съ именемъ Людмилы Ивановны тѣсно связано существованіе партитуры «Руслана и Людмилы», которая, быть-можетъ, канула бы въ вѣчность и осталась бы въ неизвѣстности для потомства, если бы Л. И. Шестакова не распорядилась списать оркестровую партитуру названнаго *chef d'oeuvre'a* съ оригинала, сторѣвшего въ 1859 г. въ Петербургѣ. Впрочемъ, не однимъ этимъ ограничивается заботливость преданной сестры композитора; она, можно сказать, замѣнила ему мать въ послѣдніе годы его жизни въ Царскомъ Селѣ (см. «Воспоминанія Л. И. Шестаковой» въ приложеніяхъ къ «Запискамъ Глинки», изд. Суворина); ея стараніями перевезено было тѣло знаменитаго брата изъ Берлина, гдѣ онъ умеръ 3 февраля 1857 г., въ Петербургъ (вотъ почему открытіе памятника Глинкѣ на Театральной площади пріурочили къ этому дню), она же позаботилась о памятникѣ на могилѣ его въ Александро-Невской лаврѣ; она же принимала самое живое участіе при открытіи памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ въ 1885 г.

Послѣ смерти Глинки, Людмила Ивановна на свои послѣднія средства издала партитуры обихъ оперъ—«Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы» и двухъ испанскихъ увертюръ: «Арагонская Хота» и «Ночь въ Мадридѣ»; изданія этихъ партитуръ были разосланы ею въ главныя русскія, а также иностранныя музыкальныя учрежденія и театры. Еще раньше, въ 1867 г., Людмила Ивановна много содѣйствовала постановкѣ «Жизни за Царя» въ Прагѣ, гдѣ опера имѣла шумный успѣхъ. Изъ статей ея, помѣщенныхъ въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ»: «Былое Глинки» (1892—93 гг.) и «Мои вечера» (1893—94 гг.), можно легко убѣдиться, что она имѣла большое вліяніе и пользовалась большимъ сочувствіемъ въ кружкѣ, извѣстномъ подъ именемъ «молодой русской школы», куда входили гг. Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Кюи, Лядовъ, Стасовъ, Глазуновъ и др., а также умершіе уже Мусоргскій, Бородинъ, — и др. Мало того, по ея же инициативѣ и при ея стараніяхъ основанъ при петербургской консерваторіи «Музей М. И. Глинки», гдѣ собраны драгоцѣнные матеріалы въ нашей литературѣ о дѣятельности этого гения, основателя національной оперы у насъ.

Людмила Ивановна, родившаяся 16 ноября 1816 г. (умерла 89 лѣтъ съ лишнимъ), послѣ того, какъ овдовѣла и потеряла своихъ дѣтей, всѣ свои заботы посвятила брату при жизни его и затѣмъ памяти его послѣ его смерти. Между прочимъ замѣтимъ, что и самыми «Записками М. И. Глинки» мы обязаны ея заботливости и настояніямъ; она воодушевляла своего гениальнаго брата, когда онъ въ послѣднее время (въ началѣ шестидесятихъ годовъ) впадалъ въ грустное настроеніе, какъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, такъ и нѣкотораго равнодушія дирекціи театровъ и публики къ его операмъ, благодаря увлеченію итальянскими свѣтилами *bel canto*. «Воспоминанія» Людмилы Ивановны цѣнны еще и тѣмъ, что помимо интересныхъ свѣдѣній, которыя она сообщаетъ о братѣ, она даетъ превосходную характеристику его, какъ человека; вообще эти «Воспоминанія» являются прекраснымъ дополненіемъ къ «Запискамъ» самого Глинки. Кстати, она тутъ же приводитъ извѣстныя слова творца «Руслана»: «Поймутъ твоего Мишу, когда его уже не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ»; къ счастью, «предсказаніе это осуществилось гораздо раньше этого времени»,—прибавляетъ Людмила Ивановна.

Весьма любопытны и свѣдѣнія, приводимыя ею о послѣднихъ дняхъ жизни Глинки въ Берлинѣ. И какаѣ роковая случайность! Она умерла всего за нѣсколько дней до всероссійскаго торжества открытія памятника ея любимому брату, отложеннаго вслѣдствіе пережитыхъ событій русско-японской войны и внутреннихъ безпорядковъ. Миръ праху великой радѣтельницы о родномъ искусствѣ...

Торжество открытія памятника М. И. Глинкѣ.

(Рис. на стр. 108).

3 февраля с. г. совершилось событіе, являющееся всероссійскимъ праздникомъ въ области нашей музыкальной жизни: открытіе памятника гениальному создателю «Руслана и Людмилы», основателю русской національной оперы. Торжество это, дѣйствительно, было всероссійскимъ, такъ какъ въ немъ участвовали представители и депутаты всѣхъ нашихъ главныхъ музыкальных центровъ, не говоря уже о присутствіи на немъ всѣхъ принадлежащихъ прямо или косвенно къ музыкальному и отчасти театральному міру. Торжество, длившееся въ теченіе всего дня, состояло изъ четырехъ моментовъ: заупокойной обѣды, собственно открытія памятника, торжественнаго акта и вечерняго спектакля въ Маріинскомъ театрѣ. Всѣ присутствовавшіе были приглашены комиссіей по учрежденію памятника М. И. Глинкѣ особыми именными билетами. Все носило праздничный характеръ.

Заупокойная обѣда была отслужена въ одиннадцать часовъ утра въ консерваторской церкви. Пѣлъ смѣшанный хоръ подъ управленіемъ г. Сафонова. «Ектенія» и «Херувимская» — самого Глинки, «Трисвятое», «Милость мира» и «Тебе поемъ» — Чайковского, «Вѣрую» — г. Направника, «Отче нашъ» — г. Римскаго-Корсакова и «Задостойникъ» — Турчанинова. Въ запричастномъ концертѣ Бортнянскаго «Скажи ми, Господи, кончину мою» въ каче-

ствѣ солистовъ пѣли г-жа Збруева и гг. Лабинскій и Серебряковъ; апостолъ читалъ г. Шароновъ. Присутствовали, конечно, всѣ профессора Консерваторіи, дирекція русскаго музыкальнаго общества, министры: народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности и государственный контролеръ, губернаторъ, губернский предводитель дворянства, городской голова и гласные думы. По окончаніи богослуженія всѣ направились къ памятнику, во главѣ съ вице-президентомъ русскаго музыкальнаго общества, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, шедшимъ подъ руку съ великой княгиней Милицей Николаевной, и герцогомъ Георгіемъ Георгіевичемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ.

На помостѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, духовенство служило литію и, послѣ «Вѣчной памяти», чехолъ спалъ съ бронзовой статуи, и предъ глазами многочисленной толпы, наполнившей всю площадь предъ Маріинскимъ театромъ и зданіемъ Консерваторіи, предстала фигура Михаила Ивановича Глинки. Пьедесталъ изъ шлифованнаго камня темно-краснаго цвѣта красивъ; полукруглая баллюстрада изъ того же камня окружаетъ невысокій пьедесталъ, на которомъ имѣются надписи: на лицевой сторонѣ «Михаилъ Ивановичъ Глинка 1804—1857» (даже не указаны даты рожденія и смерти великаго композитора), съ боковъ—«Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмила», а сзади—«Князь Холмскій», «Арагонская Хота», «Ночь въ Мадридѣ» и «Камаринская». Композиторъ стоитъ, подбоченясь правой рукой, и большой палецъ лѣвой руки засунутъ въ карманъ брюкъ. Памятникъ работы г. Баха, съ двухъ сторонъ лицевой стороны снабженный электрическими фонарями, мало, на нашъ взглядъ, передаетъ идею: ни въ чемъ не выражена мысль о композиторѣ.

Открытіе памятника сопровождалось окропленіемъ его святой водой, и великій князь Константинъ Константиновичъ отъ лица комиссіи, заведывавшей сборомъ пожертвованій и сооруженіемъ, передалъ памятникъ въ вѣдѣніе города при слѣдующихъ словахъ: «Стоя между Оперой и Консерваторіей, да будетъ этотъ памятникъ охранителемъ и покровителемъ русской музыки, и да развивается она подъ взоромъ своего создателя». Городской голова, принявъ памятникъ, отвѣтилъ, что городъ будетъ отнынѣ хранителемъ памятника и могилы Глинки, что дума постановила увеличить число школъ его имени до десяти и поручила комиссіи озоботиться открытіемъ музыкальных классовъ при городскихъ школахъ. Послѣ этого всѣ направились въ большой залъ Консерваторіи, гдѣ всѣ лѣстницы были украшены тропическими растеніями, устланы коврами, и гдѣ спена приняла подобающій моменту торжественный видъ: на высокомъ, увитомъ гирляндами живыхъ цвѣтовъ, пьедесталѣ высился бюстъ М. И. Глинки, освѣщенный яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Вокругъ пьедестала размѣстился хоръ Маріинскаго театра, ближе къ авансценѣ—оркестръ того же театра; на возвышеніи съ лѣвой стороны—военный оркестръ Финляндскаго полка. За особымъ столомъ, съ правой стороны, заняли мѣста члены комиссіи съ великимъ княземъ во главѣ, а съ лѣвой стороны размѣстились депутаты. Всѣ мѣста въ залѣ были заняты приглашенными гостями, а хоры переполнены учащимися. Наступилъ моментъ торжественнаго акта.

Открывая актъ, состоявшій изъ чтенія отчета дѣятельности комиссіи, пріема депутатій и исполненія кантаты «Славься» изъ «Жизни за Царя», великій князь Константинъ Константиновичъ благодарилъ отъ лица комиссіи всѣхъ, принимавшихъ участіе въ увѣковѣченіи памяти гениальнаго композитора, и пригласилъ всѣхъ почтить память недавно скончавшейся сестры Глинки, Людмилы Ивановны Шестаковой, не дожившей всего двухъ недѣль до открытія памятника брату и такъ много содѣйствовавшей прославленію имени его, безмолвнымъ встаніемъ. Изъ прочитаннаго отчета выяснилось, что на памятникъ собрано сто шесть тысячъ рублей, самый памятникъ обошелся въ семьдесятъ три тысячъ тысячъ, а остатокъ получить специальное назначеніе. Жаль, что эти деньги не употреблены были на улучшеніе памятника какими-нибудь фигурами, изображающими героевъ оперъ Глинки или имѣющими аллегорическое значеніе въ музыкѣ, а то памятникъ, *при отсутствіи идеи*, имѣетъ слишкомъ ужъ мизерный видъ, особенно если принять во вниманіе величину театровъ на площади и высоту зданія Маріинскаго театра и Консерваторіи.

Начался пріемъ депутатій. Первыми возложили вѣнокъ представители петербургской Консерваторіи, при чемъ вновь избранный директоръ ея, г. Глазуновъ, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ, затѣмъ послѣдовали депутатіи отъ: петербургской казенной русской оперы (говорилъ г. Серебряковъ), хора русской оперы, московской казенной оперы (говорилъ г. Шалигинъ), города Петербурга (рѣчь сказалъ городской голова г. Рѣзцовъ; возложена лира, украшенная серебряной и пальмовой вѣтвями), Московскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества, за которымъ слѣдовали депутаты отъ отдѣленій: Казанскаго, Ростовскаго, Одесскаго, Харьковскаго, Самарскаго и др.; Филармоническаго петербургскаго общества, оркестровъ Александринскаго и Михайловскаго театровъ, драматической труппы, литературно-художественнаго общества, отъ придворнаго оркестра (адресъ прочелъ баронъ К. К. Штапельбергъ), придворной капеллы, первой гимназіи (бывшаго Благороднаго пансіона, въ которомъ воспитывался М. И. Глинка), общества любителей пѣнія и музыки, великорусскаго оркестра Андреява, Академіи Художествъ, Петербургской музыкальной школы, Петербургскаго музыкально-драматическаго кружка любителей, Новой оперы (въ Консерваторіи), Глинкинскаго музыкальнаго кружка въ Самарѣ,

Мусульманский съездъ въ Петербургѣ. По фот. К. Булла, арт. «Нивы».

Типографского музыкально-драматического кружка, «Вечеровъ современной музыки», музыкально-драматическихъ курсовъ Раппгофъ, Общества музыкальных педагоговъ, союза драматическихъ и музыкальных писателей, училища правовѣднія, «St.-Petersburger Sängerkreis», «Katherinen Gesangverein», «Liedertafel», бесплатной музыкальной школы, Петропавловскаго общества любителей хорового пѣнія и др. Депутатъ дефилировалъ одна за другой, и скоро пьедесталъ покрылся вѣнками и адресами, читанными представителями того или другого общества или кружка и принятыми весьма сочувственно публикой.

Кантата написана по случаю открытія памятника М. А. Балакиревымъ на текстъ г. Глѣбова для соло (меццо-сопрано), смѣшаннаго хора и оркестра; послѣднимъ дирижировалъ г. Направникъ. По окончаніи кантаты, солистой въ которой была г-жа Фриде, прекрасно спѣвшая свою трудную партію, композиторъ былъ трижды вызванъ публикой. Музыка кантаты скорѣе носитъ элегическій характеръ, чѣмъ торжественный; заключительный хоръ «Михаилу Ивановичу Глинкѣ слава!» могъ быть развитъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Все же кантата очень интересна. Закончился актъ «Славься» изъ «Жизни за Царя», вызвавшимъ громъ аплодисментовъ всѣхъ присутствовавшихъ. Дѣйствительно, одного такого № достаточно, чтобы обезсмертить свое имя въ исторіи родной музыки. По окончаніи акта всѣ вѣнки и адреса были отнесены въ Глинкинский музей при Консерваторіи, который въ течение всего дня былъ открытъ для публики, толпившейся здѣсь съ утра до вечера, а также на площади передъ памятникомъ.

Вечеромъ въ Мариинскомъ театрѣ данъ былъ для приглашенныхъ гостей «Русланъ и Людмила». Опера шла въ 352-й разъ (количество совсѣмъ небольшое за 63 года существованія оперы), и притомъ *безъ кунюргъ*. Спектакль начался въ 7½ ч., и, какъ въ программахъ, вышедшихъ по случаю торжества съ портретомъ М. И. Глинки, такъ и въ анонсахъ, расклеенныхъ въ коридорахъ театра, просили публику «не требовать повтореній»,—очевидно, чтобы не затянуть оперы, окончившейся и безъ того послѣ полуночи. Нечего говорить, что театръ имѣлъ торжественный видъ, что публика была въ праздничныхъ одеждахъ, что освѣщеніе въ залѣ было полное и проч. На оборотной сторонѣ программъ, разложенныхъ на всѣхъ креслахъ бесплатно (мѣста предложены были также бесплатно), помѣщена была первая афиша гениальнаго произведенія Глинки, даннаго въ пятницу, 27-го ноября 1842 г., при слѣдующемъ составѣ исполнителей: Бойкова (Свѣтозаръ), Степановой (Людмила), Лиханскаго (Баянъ), Петровой (Ратмиръ), Петрова (Русланъ), Този (Фарлафъ), Лилъевой (Горислава), Леонова (Финнъ) и Марсель (Наина).

Въ торжественномъ спектаклѣ, данномъ подъ управленіемъ г. Направника, выступили г-жи: Болъска (Людмила), Кузнецова (Горислава), Збруева (Ратмиръ) и Панина (Наина) и гг.: Касторскій (Русланъ), Шаппинъ (Фарлафъ), Серебряковъ (Свѣтозаръ), Ершовъ (Финнъ) и Лабинскій (Баянъ). Публика прослушала съ вѣдчайшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ безсмертную оперу безсмертнаго творца и основателя русской оперы.

Мусульманскій съѣздъ въ С.-Петербургѣ.

(Группа на стр. 111).

Въ нашемъ государствѣ проживаютъ въ качествѣ русскихъ подданныхъ миллионы мусульманъ: въ Казанской, Астраханской, Рязанской губерніяхъ, въ Крыму и на Кавказѣ—татары; въ восточной части Европейской Россіи—за Волгой и Ураломъ и въ Сибири—башкиры, туркмены и сарты; наконецъ, на побережьи Кавказа и въ Крыму есть и турки.

Событія послѣдняго времени, возможность принять активное участіе въ нашемъ грядущемъ народопрравствѣ всколыхнули ихъ. Они почувствовали необходимость столкнуться между собою по этому важнѣйшему вопросу, а также и по экономическимъ и инымъ вопросамъ и рѣшили собраться къ 15 января въ Петербургѣ на 1-й всероссійскій мусульманскій съѣздъ.

Къ назначенному сроку въ Петербургъ пріѣхало много делега-

товъ-мусульманъ и съ Поволжья, и изъ Туркестанской области, и изъ Томска и Семипалатинска. Но высшая столичная администрація встрѣтила мусульманъ негостеприимно. Какъ извѣстно, съѣздъ официально разрѣшенъ не былъ; и, несмотря на всѣ свои хлопоты, мусульмане принуждены были собираться лишь на частныя, неофициальныя собранія въ гостиницахъ и за городомъ.

Собранія эти продолжались съ 15 по 23 января, и на нихъ были разрѣшены всѣ намѣченные программой вопросы (до 81). Помимо разрѣшенія чисто экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ, мусульманскій съѣздъ постановилъ въ политическомъ отношеніи придерживаться во всемъ своей собственной «платформы» и не примыкать ни къ какой уже существующей политической партіи.

По отношенію къ Государственной Думѣ рѣшено держаться отдѣльной самостоятельной единицей и выставлять отъ каждого миллиона населенія по одному представителю.

Въ числѣ постановленій, сдѣланныхъ съѣздомъ касательно своихъ мѣстныхъ нуждъ, отмѣтимъ его рѣшеніе о томъ, что муфтіи и замѣщающіе ихъ духовныя лица должны быть непременно выборными. Затѣмъ много существенныхъ постановленій съѣздъ сдѣлалъ и по вопросу о мѣстныхъ мусульманскихъ школахъ.

24 января участники съѣзда стали разбѣжаться по домамъ. Постановленія съѣзда будутъ разосланы въ различныя мѣста для

ознакомленія съ ними населенія. Въ этихъ мѣстахъ, т. е. въ губерніяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ, теперь уже образовано нѣсколько отдѣленій «главнаго бюро для подготовленія населенія къ выборамъ въ Государственную Думу».

На съѣздѣ, между прочимъ, была выработана программа будущаго втораго мусульманскаго всероссійскаго съѣзда, который рѣшено созвать наступающимъ лѣтомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Вообще, мусульмане дѣятельно готовятся къ выборамъ. До сихъ поръ наши татары и башкиры считались довольно-таки вялыми, инертными и мало-развитымъ народомъ, но дѣятельность начинаетъ опровергать это предвзѣтое и несправедливое мнѣніе.

Чжанчинтунъ. (Портретъ на этой стр.).

Не особенно давно появилась въ русскомъ переводѣ интересная книга китайскаго писателя Лянчичао «Лихунчанъ». Объ этой книгѣ, содержащей въ себѣ біографію и оцѣнку политической дѣятельности знаменитаго «китайскаго Бисмарка», мы въ свое время дали на страницахъ «Ежемесячныхъ Приложеній» біографическую замітку. Въ настоящемъ же № «Нивы» мы помѣщаемъ портретъ переводчика этой книги на русскій языкъ—г. Чжанчинтуня.

Г. Чжанчинтунъ является типичнымъ представителемъ «младого Китая»,—Китай, прогрессирующаго въ политическомъ развитіи и общечеловѣческой культурѣ. Онъ—уроженецъ Шанхая и получилъ серьезное, въ китайскомъ смыслѣ, образованіе, такъ какъ, еще будучи юношей, выдержалъ въ 1893 году экзаменъ на ученую степень.

Но образованіе «въ китайскомъ смыслѣ», т. е. чисто схоластическое, не могло удовлетворить развитаго и умнаго юношу, и онъ, покинувъ высшее китайское учебное заведеніе, въ которомъ проходилъ до этого времени курсъ, пожелалъ заняться изученіемъ европейскихъ языковъ и наукъ, и для этой цѣли поступилъ въ «Тунвэнгуанъ», т. е. институтъ иностранныхъ языковъ при Цзунлиамынѣ (министерство иностранныхъ дѣлъ).

Находясь въ этомъ учебномъ заведеніи, г. Чжанчинтунъ избралъ своей специальностью русскій языкъ, а чрезъ два съ половиною года былъ командированъ въ Россію и причисленъ къ составу китайской миссіи въ Петербургѣ.

Въ настоящее время онъ прослушалъ курсъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ и уѣзжаетъ обратно на родину для дѣятельнейшей дѣятельности.

Судя по переводу книги Лянчичао, г. Чжанчинтунъ владѣетъ русскимъ языкомъ превосходно. Несомнѣнно, что этотъ талантливый и дѣятельный гражданинъ «Поднебесной имперіи» будетъ со временемъ значительно содѣйствовать скрѣпленію дружескихъ узъ между Россіей и Китаемъ.

Г. Чжанчинтунъ, китайскій литераторъ и переводчикъ на русскій языкъ.
По фот. авт. «Нивы».

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повѣсть Бор. Лазаревскаго. (Продолженіе).—Въ пустырь. Стихотвореніе В. Уманова-Каплуновскаго.—Стихотвореніе Всеволода Шульца.—Одержимая. Разсказъ М. М. Читау. (Окончаніе).—„Послѣ причастія“.—„Страшный Судъ“.—Рыцарь Духа. (Къ 50-лѣтію Гейне). Стихотвореніе В. Уманова-Каплуновскаго.—Л. И. Шестакова.—Торжество открытія памятника М. И. Глинкѣ.—Мусульманскій съѣздъ въ С.-Петербургѣ.—Чжанчинтунъ.—Объявленія.

РИСУНКИ: Первая косичка.—Послѣ причастія.—Богоматерь съ Младенцемъ.—Страшный Судъ.—Къ революціи въ Прибалтійскомъ краѣ. Замокъ Лилленфельдъ-Тоаль (въ 35 верстахъ отъ Ревеля), сожженный вмѣстѣ съ всеми картинами и драгоценностями, въ декабрь 1905 г.—Безпорядки въ Одессѣ. Взрывъ въ домѣ Михалева по Вѣнцовой улицѣ, происшедшій въ ночь на 25 января с. г.—Безпорядки въ Владивостокѣ: 1) Уголъ Портовой и Афонской улицъ. 2) На углу Свѣтланской и Алеутской улицъ послѣ пожара. 3) Алеутская улица. 4) На Алеутской улицѣ.—Л. И. Шестакова.—Памятникъ М. И. Глинкѣ.—Мусульманскій съѣздъ въ С.-Петербургѣ.—Г. Чжанчинтунъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій Н. М. Станюковича“ книга 2.

